

В.А. Кузнецов

**«ЕЩЕ БЫ ОДНО БЛАГОЕ ДЕЛО В ДЕНЬ
БОРОДИНСКОГО ПРАЗДНИКА»,
ИЛИ ОБ ОДНОМ ПИСЬМЕ В. ЖУКОВСКОГО
К СВОЕМУ ВОСПИТАННИКУ**

Как известно, поэт Василий Андреевич Жуковский долгое время, с 1826 по 1841 г., был воспитателем цесаревича Александра Николаевича, будущего императора Александра II. Жуковский с честью выполнил свою историческую миссию: воспитал вместе с коллегами царя-реформатора 1860–1870-х годов. Накануне торжественного празднования столетия со дня рождения В.А. Жуковского, назначенного на 29 и 30 января 1883 г., Дума С-Петербурга постановила «более прочно увековечить память поэта открытием двух начальных городских училищ его имени и сооружением ему бюста в одном из городских парков...»¹. Далее Дума отметила в своем постановлении: «...но все это... не может равняться с тем памятником, какой воздвигнул себе, так сказать... сам Жуковский, благодаря данному Государем Императором (Александром III. – *К.В.*) разрешению „Русскому Архиву“ издать ко дню юбилея письма Жуковского к покойному государю, его питомцу»². Эти письма, адресованные к воспитаннику – наследнику трона, до 1883 г. не публиковались и оставались неизвестными даже исследователям его творчества. Среди этих писем В. Жуковского есть одно, по мнению редакции «Русского архива», в котором «вся душа и сердце Жуковского отражаются, как в зеркале; из того, что было до сих пор известно о Жуковском...»³.

В августе 1839 г., когда на полях Бородина праздновался 25-летний юбилей победы над Наполеоном, Жуковский написал поздравление с днем ангела государю наследнику и прислал ему в дар стихи на Бородинский праздник⁴. В этом стихотворении под названием «Бородинская

годовщина» много строк посвящено героям Бородинской битвы: «...Русский царь созвал дружины / Для великой годовщины / На полях Бородина. / Там земля окрещена: / Кровь на ней была святая; / Там, престол и Русь спасая, / Войско целое легло / И престол и Русь спасло. / Как ярилась, как кипела, / Как пылила, как гремела / Здесь народная война / В страшный день Бородина! / На полки полки бросались, / Холмы в громах загорались, / Бомбы падали дождем, / И земля тряслась кругом. / А теперь пора иная: / Благовонно-золотая / Жатва блещет по холмам; / Где упорней бились, там / Мирных инокинь обитель»⁵.

В стихотворении упоминаются Александр I, Кутузов, Барклай де Толли, Багратион, Раевский, Платов, Милорадович, Дохтуров, Строганов, Сен-При, Ланской, Тормасов, Неверовский, Ланжерон, Беннигсен, Давыдов. Так как в эти дни праздника победы был перезахоронен на Батарее Раевского прах Багратиона, то Жуковский посвятил больше строк этому событию: «...В чудный день Бородина; / Рать в колонны собрана, / И сияет перед ратью / Крест небесной благодатью, / И под ним ввиду колонн / В гробе спит Багратион. / Здесь он пал, Москву спасая, / И, далеко умирая, / Слышал весть: Москвы уж нет! / И опять он здесь, одет / В гробе дивною броней, / Бородинскою землею; / И великий в гробе сон / Видит вождь Багратион. / В этот час тогда здесь бились! / И враги, ярься, ломились / На холмы Бородина; / А теперь их тишина, / Небом полная, объемлет». Кроме того, часть стихотворных строк посвящена Д. Давыдову, одному из активных инициаторов перенесения праха Багратиона на Бородинское поле: «И боец, сын Аполлонов... / Мнил он гроб Багратионов / Проводить в Бородино... / Той награды не дано: / Вмиг Давыдова не стало! / Сколько славных с ним пропало / Боевых преданий нам! / Как в нем друга жаль друзьям!».

Среди этих славных имен в стихотворении упоминается герой арьергардных боев П.П. Коновницын: «...Где, и свой и чуждый край / Дерзкой бодростью дививший / И под старость сохранивший / Всё, что в молодости есть, / Коновницын, ратных честь? / Неподкупный, неизменный, / Хладный вождь в грозе военной, / Жаркий сам подчас боец, / В дни спокойные мудрец».

Как раз имя П. Коновницына⁶ и упоминается в этом письме Жуковского. Так, в заключение письма поэт и воспитатель пишет⁷: «Я с вами разговаривал: ... вы будете читать письмо мое в день вашего ангела. Вы сами мой добрый ангел и добрым ангелом для всех стоите у трона отцовского, и так я все выскажу что рвется из души моей в эту минуту. Еще бы одно благое дело в день Бородинского праздника: дело милосердия, прибавлю, и царской признательности, этому дню столь приличное!»

В Бородине дрался Коновницын, а Коновницын был честью Русского войска. Дочь его в молодости лет выпила всю чашу горести за чужую вину; эта дочь умоляет Государя великодушного взглянуть с благоволением на преступного мужа ея, который не жалел жизни в сражении, чтобы загладить вину свою и заслужить ту милость, которая уже была ему оказана по просьбе Наследника Престола. Нарышкин представлен за храбрость в офицеры; быть может, и рано еще получить ему эту награду; но день Бородинский, день Бородинский (так в тексте – К.В.) громко вопиет к Царю: помяни милосердием храброго Коновницына!»⁸.

Итак, Жуковский во имя Коновницына просит о милости к судьбе Елизаветы Петровны Нарышкиной и ее мужа декабриста Михаила Михайловича Нарышкина. Жуковский виделся с ними в Сибири в 1837 г., когда по ходатайству как раз наследника-цесаревича Нарышкин тогда же был определен на службу рядовым в Кавказский корпус.

Следует указать, что в 1837 г. по предложению В.А. Жуковского наследник цесаревич Александр Николаевич совершал многомесячное путешествие по России. Это путешествие обогатило будущего императора знанием многих реалий жизни России. Так во время посещения Сибири он писал отцу, императору Николаю I, что видел в Кургане декабристов Лорера, Лихарева, Назимова, Нарышкина, Розена, Фохта и Фурмана, которые ведут себя чрезвычайно тихо. Выражая просьбу о смягчении их участи, он прибавляет: «Мне было бы чрезвычайно приятно, милый безценный папа, если возможно, чтобы приезд мой принес этим несчастным людям облегчение в их судьбе». Со своей стороны В. Жуковский и А. Кавелин⁹ ходатайствовали о том же перед государем. На возвратном пути, около Симбирска, наследник получил ответ, который уведомлял о некоторых облегчениях и милостях сибирским ссыльным. «Это была, – пишет Жуковский императрице, – одна из счастливейших минут моей жизни. Посреди дороги, под открытым небом, мы трое обнялись во имя царя, возвестившего нам милость к несчастным»¹⁰.

Из письма нам известно, что Елизавета Петровна Нарышкина родная дочь П.П. Коновницына, фрейлина императорского двора. Кроме дочери, у генерала было еще четыре сына: Петр, Алексей, Григорий, Иван. Из них Петр, гвардейский подпоручик, принял участие в движении декабристов. Он состоял в Северном тайном обществе, был осужден, разжалован в солдаты и сослан в глухой гарнизон, а затем на Кавказ.

Елизавета Нарышкина (Коновницына), будучи женой декабриста М.М. Нарышкина¹¹, как и жены многих других декабристов, добровольно последовала за ним в Сибирь.

При изучении их биографий выявляются интересные сюжеты в переплетении многих судеб. М. Нарышкин родился в семье подполковника Михаила Петровича Нарышкина (1753–1825) и его жены Варвары (1760–1827), дочери князя А.Н. Волконского. В семье было два сына, Кирилл и Александр, и шесть дочерей, среди которых Маргарита Тучкова (Нарышкина), основательница Спасо-Бородинского монастыря, вдова героя войны 1812 г. А.А. Тучкова. А дивизия генерала П. Коновницына по штату входила в состав 3-го пехотного корпуса под командованием Н.А. Тучкова, брата А.А. Тучкова. Вот так иногда удивительно переплетаются судьбы людей.

Но на этом письмо В. Жуковского не заканчивается, он просит наследника цесаревича рассказать отцу Николаю I еще об одной декабристской судьбе¹², которая к событиям Бородина не относится, но относится *«к благостному сердцу нашего несравненного Государя, которое не раз удалось мне подсмотреть в его прелестные человеческие минуты. Я видел в Москве Е.Ф. Муравьеву¹³; ее положение на старости лет ужасно: оба сына, для которых жила она, в изгнании. Ни слова о их преступлении; но со старшим сыном поехала в Сибирь жена¹⁴; он схоронил ее; на руках его осталась дочь¹⁵, эта дочь чахнет: уже суровый климат имел на нее разрушительное влияние; только перемена климата на более теплый может спасти бедную жизнь младенца. Отец наказан изгнанием, строгий закон удовлетворен. К этому наказанию судьба прибавила другое, быть может, горшее: смерть жены, которая вся падает на преступника-мужа. Вот уже два наказания за одно преступление; но второе совершилось просто по воле судьбы: ничья другая воля не вмешивалась в приговор ее. Теперь изгнаннику грозит наказание третье: смерть дочери, и уже не одна судьба, а с нею и приговор Государя, должны решить, умереть ли этому младенцу или нет. Не могу поверить, чтобы Государь (если бы он это знал), Государь, нежный отец своих детей на троне, мог не войти в чувства отца, который все отец, хотя и колодник. Не могу поверить, чтобы к наказанию закона, вполне справедливому, Государь прибавил бы другое, тогда как здесь идет дело просто о человечестве, и благость не была бы нисколько в противоречии с строгостью правосудия. Муравьева, как я слышал, хочет просить великую княгиню Марию Николаевну о заступе за внучку ее пред Государем Императором, в какую минуту! Когда великая княгиня сама*

*готовится быть матерью. Это дело, без сомнения, не дошло еще до сведения Государя в настоящих обстоятельствах. Поручаю его вам в день вашего ангела»*¹⁶. Далее письмо В. Жуковского будущему императору носит характер личных отношений воспитателя со своим воспитанником.

Действительно, в этом письме раскрывается суть В.А. Жуковского как человека эпохи Бородина – человека долга.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В постановлении Городской думы говорится, что на сооружение бюста Жуковскому можно использовать сумму, вырученную от продажи издания книги К.К. Зейдлица: «Жизнь и поэзия Жуковского», а именно 780 руб., которая принята Городской думой в фонд «совершения этого дела». В 1887 г. в Александровском саду на средства Санкт-Петербургской думы поставлен небольшой памятник-бюст из бронзы.

² Вестн. Европы, 1883. № 2. Февр. С. 899.

³ Там же.

⁴ *Жуковский В.А.* Собр. соч.: В 4 т. М.: Худож. лит. 1959. «Бородинская годовщина», стихи датируются 26–28 августа 1839 г.

⁵ Спасо-Богородинский монастырь, основанный близ д. Семеновское вдовую генерала А.А. Тучкова на той батарее, где он убит. Тело его не было найдено. Все кости, собранные на этом месте, были зарыты в одну могилу, над которой теперь возвышается церковь, и в этой церкви гробница Тучкова.

⁶ Коновницын Петр Петрович (1764–1822) – генерал от инфантерии, генерал-адъютант, герой Отечественной войны 1812 года, граф (с 1819), военный министр (1815–1819), член Государственного совета, член Сената, член Комитета министров, начальник военно-учебных заведений, Главный директор Пажеского и других кадетских корпусов. Во время Бородинской битвы он был дважды контужен, но поля не покинул. Далее сражался при Тарутине, Малоярославце, Вязьме и Красном, затем при Люцене, где был серьезно ранен. Участвовал в Лейпцигской битве.

⁷ Вестн. Европы. 1883. № 2. Февр. С. 899.

⁸ Рус. архив. 1883. № 1. С. XXX.

⁹ Александр Александрович Кавелин (9.06.1793 – 4.11.1850) – из русского дворянского рода Кавелиных. Директор Пажеского корпуса, генерал-адъютант (1831), генерал-лейтенант (1833), генерал от инфантерии (1843), сенатор (1841), в 1842–1846 гг. Санкт-Петербургский военный губернатор, штатный воспитатель цесаревича Александра Николаевича. В возрасте 10 лет был зачислен

в Пажеский корпус, в 1808 г. произведен в камер-пажи, а в 1810 – определен подпоручиком в лейб-гвардии Измайловский полк. Участник Отечественной войны 1812 года. Во время Бородинского сражения был ранен картечью в левую ногу и пулей в правую руку. За отличие при Бородине произведен в поручики и награжден шпагой «За храбрость». 14 декабря 1825 г., в чине полковника, участвовал в подавлении восстания декабристов и за отличие в тот день был пожалован во флигель-адъютанты. С декабря 1827 г. зачислен в Свиту Его Императорского Величества в чине генерал-майора. В 1828 г. участвовал в сражении под крепостью Шумла и в осаде Варны, в 1830 г. был назначен директором Пажеского корпуса. 5 мая 1834 г. был назначен «стоять» при наследнике престола Александре Николаевиче. В 1837 г. сопровождал наследника в путешествии по России; в 1838–1839 – в путешествии по Пруссии, Швеции, Дании, Германии, Австрии, Италии, Голландии и Англии. Во время путешествия по Европе в 1838 г. именно А.А. Кавелин не без труда уговорил цесаревича остановиться в Дармштадте. Анна Федоровна Тютчева (дочь поэта Ф.И. Тютчева, фрейлина высочайшего двора, жена И.С. Аксакова, мемуаристка) писала об этом событии так: «Наследник совершенно случайно остановился в Дармштадте на один день и вечером поехал в театр. Он был так тронут скромной прелестью молодой принцессы, почти ребенка, скрывавшейся в глубине ложи, что, вернувшись домой, объявил своему наставнику Жуковскому, Кавелину и графу Орлову, сопровождавшим его, что он нашел жену, которая ему нужна, и что дальше он никуда не поедет». Так, благодаря Кавелину состоялась судьбоносная, но нечаянная встреча Александра с Марией Гессенской, будущей императрицей Марией Александровной.

¹⁰ *Тимирязев В.А.* Двадцатилетнее служение России царя-освободителя // Ист. вестн. 1903. № 8. С. 485–486.

А.Н. Мордвинов в письме к графу А.Х. Бенкендорфу писал: «Вчера последовало повеление об определении на Кавказ рядовыми: Нарышкина, Розена, Фохта, Лорера и Лихарева. Все они были поселены в Кургане. Это важный для них шаг и конечно большая милость. Одоевского также назначили на Кавказ, но это по письму его к нашему сиятельству, которое я представлял Государю. 24 июня 1837». См: Письма А.Н. Мордвинова к графу А.Х. Бенкендорфу // Рус. архив. 1886. № 11. С. 418.

¹¹ Михаил Михайлович Нарышкин (1798–1863) – из старинного и знатного дворянского рода. В службу вступил подпрапорщиком в Псковский пехотный полк в 1815 г. Позднее служил в лейб-гвардии Московском, Измайловском, Бородинском и Тарутинском полках. Полковник Тарутинского пехотного полка. Участвовал в переговорах Северного и Южного обществ и в подготовке восстания в Москве в декабре 1825 г. Был арестован и приговорен к каторжным

работам на 12 лет, но затем срок сократили до 8 лет. Доставлен в Читинский острог 20 марта 1827 г., прибыл в Петровский завод в сентябре 1830 г. По указу 8 ноября 1832 г. отправлен на поселение в г. Курган, куда прибыл с женой 14 марта 1833 г. В 1837 г., во время приезда в Курган цесаревича Александра, находившийся в его свите поэт В.А. Жуковский посетил дом Нарышкиных, где встретился с декабристами. В 1837 г. Нарышкин был переведен рядовым солдатом на Кавказ. Зачислен в Навагинский пехотный полк 14 октября 1837 г., унтер-офицер с 6 декабря 1838 г., переименован в юнкера 30 сентября 1840 г., подпрапорщик с 1 января 1841 г. Участвовал в боевых действиях против горцев. Получив за храбрость офицерский чин прапорщика (за отличие прапорщик с 25 июня 1843 г.), он вскоре уходит в отставку, уволен от службы 25 сентября 1844 г., освобожден от надзора 12 ноября 1855 г. От всех ограничений освобожден по манифесту об амнистии 26 августа 1856 г. В 1859–1860 гг. ездил с женой за границу и долго жил в Париже. Михаил Нарышкин скончался в 1863 г. в Москве, был похоронен в Донском монастыре. См.: Рус. старина. Т. 30, 32, 110, 113, 114; День. 1863. № 3; Библиотека для Чтения. 1863. Т. 175. № 1, отд. II. С. 248; Записки В.П. Зубкова. СПб., 1906; *Розен А.Е.* Записки декабриста. Лейпциг, 1870; *Дмитриев-Мамонов А.Н.* Декабристы в Западной Сибири. СПб. 1905; *Якушкин И.Д.* Записки. М., 1905; Записки Сергея Григорьевича Волконского (декабриста). СПб.: Изд. кн. М. Н. Волконского, 1901; *Покровский В.И.* Жены декабристов. М., 1906; Декабристы: 86 портретов. М.: Изд. М.М. Зензинова, 1906. С. 171–173; и др.).

¹² Муравьев Никита Михайлович (1795–1843) – капитан, активный член Северного общества, написал проект Конституции. В начале Отечественной войны 1812 года убежал из дома в армию, в которую официально зачислен прапорщиком Свиты по квартирмейстерской части в июле 1813 г. Участвовал в военной кампании 1813–1814 гг. Участник сражений при Дрездене и Лейпциге. 1 августа 1814 г. переведен в Генеральный штаб. В декабре 1825 г. Муравьева не было в Петербурге, был в отпуске по семейным обстоятельствам. Осужден по I разряду. По конфирмации 10 июля 1826 г. приговорен к каторжным работам на 20 лет, затем срок каторги сокращен до 15 лет. Отправлен в Сибирь 10 декабря 1826 г. С 28 января 1827 г. отбывал наказание в Читинском остроге, с сентября 1830 г. – в Петровском заводе. В ноябре 1832 г. срок каторги был сокращен до 10 лет. Из Петровского завода отбыл на поселение в с. Урик Иркутского округа, где вместе с братом занимался сельским хозяйством. Похоронен в ограде урикской Спасской церкви. Им написаны сочинения: Проект Конституции (1821–1825); «Опыт военного похода 1799-го года» (1817); «Мысли об Истории Государства Российского Н.М. Карамзина» (1818, опубликовано в 1954); «Любопытный разговор» (1820); «Историческое обозрение хода Общества» (1825).

В Проекте Конституции предусматривал установление конституционной монархии, федерации областей, гражданское равноправие, свободу слова, печати, вероисповедания, освобождение крестьян при сохранении помещичьего землевладения.

¹³ Екатерина Федоровна Муравьева (дочь сенатора Ф.М. Колокольцева), мать декабриста Никиты Михайловича Муравьева.

¹⁴ Жена Н.М. Муравьева Александра Григорьевна, урожденная Чернышева.

¹⁵ Софья Никитична (1828–1892), дочь декабриста Н.М. Муравьева. В примечании на с. 900 цитируемого «Вестника Европы» (1883. № 2. Февр.) указано: «Софья Никитична, ныне вдова М.Л. Бибикова». Кроме Софьи, у супругов родились: Екатерина (1823–1870); Михаил (умер в младенчестве); Елизавета (1826–1844); Ольга (род. и ум. 1830); Аграфена (Агриппина) (род. и ум. 1831). Софья Никитична написала воспоминания о своем отце. См.: *Бибикова С.Н. Воспоминания о моем отце Никите Михайловиче Муравьеве // В потомках ваше имя оживет: Воспоминания о декабристах в Сибири. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1986.*

¹⁶ Вестн. Европы. 1883. № 2. Февр. С. 900.